

**РОЖДЁННАЯ
ЛЕСОМ**

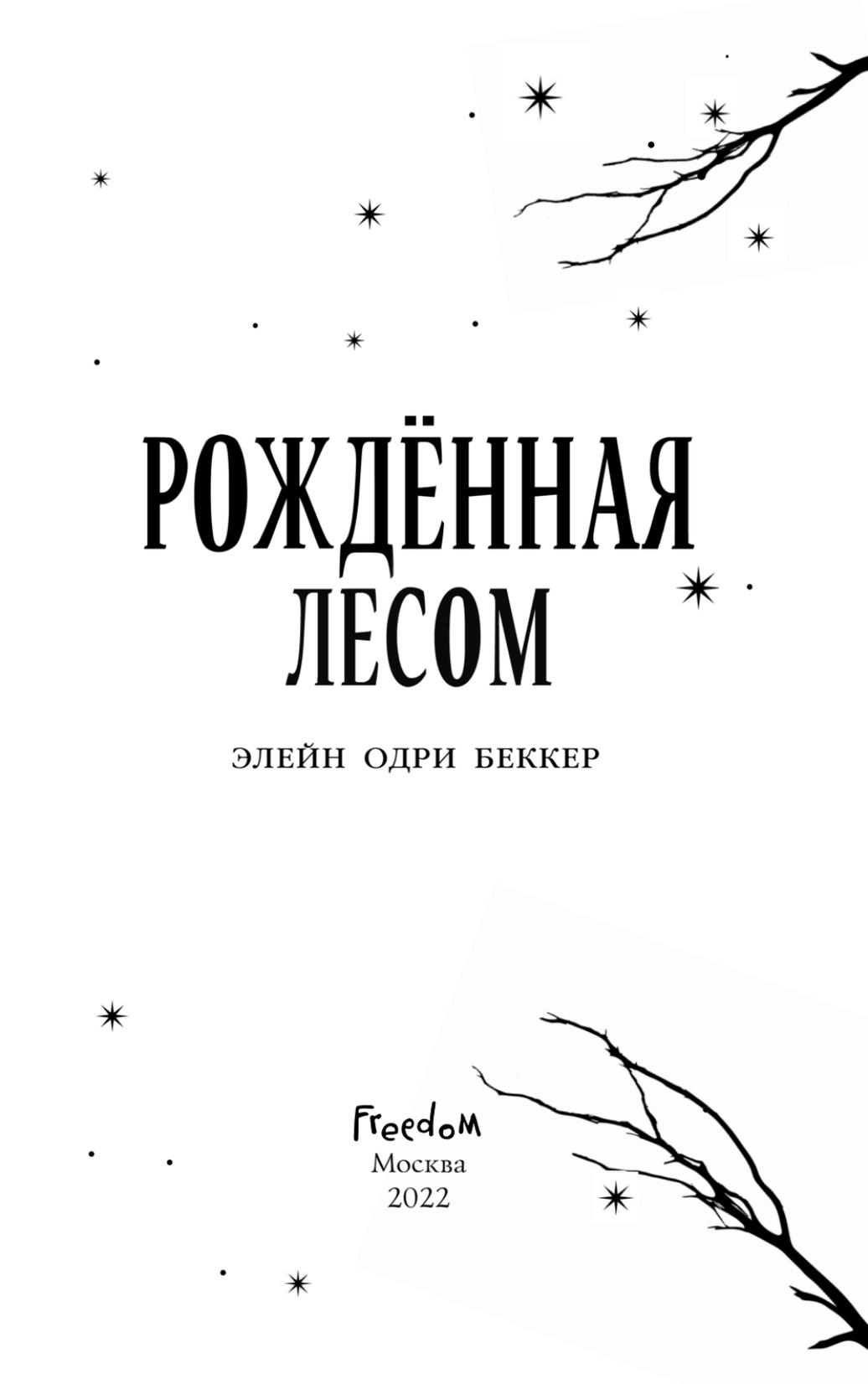

Читайте в серии «Наследники леса»

РОЖДЁННАЯ ЛЕСОМ

Продолжение следует...

РОЖДЁННАЯ ЛЕСОМ

ЭЛЕЙН ОДРИ БЕККЕР

Freedom
Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б42

Elayne Audrey Becker

FORESTBORN

Copyright © 2021 by Elayne Audrey Becker
All rights reserved.

Беккер, Элейн Одри.

Б42 Роденная лесом / Элейн Одри Беккер ; [перевод с английского Н. Кувшиновой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. — (Young Adult. Наследники леса).

ISBN 978-5-04-157406-2

Рора — оборотень. Магия, что течет в ее жилах, вызывает лишь страх. Она использует свои силы, работая на короля. Девушка путешествует в разных обликах и выискивает малейшие признаки мятежа.

Когда на королевство обрушивается магическая болезнь, Рора раскрывает ужасающую правду: Финли, молодой принц и ее лучший друг, тоже заразился ею. Его единственная надежда — звездная пыль, самый редкий из магических элементов, найденный глубоко в дикой местности, где выросла Рора. И куда она поклялась никогда не возвращаться.

Но ради своего единственного друга девушка готова встретиться лицом к лицу с прошлым и бросить вызов темному лесу. Она отправляется в опасное путешествие, где ей предстоит выжить в разумных лесах, среди опасных существ, которые хотят ее смерти.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Кувшинова Н., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-157406-2

*Посвящается моим родителям,
которые никогда не сомневались.*

КАРТА АЛЕМАРЫ

Море Эларин

Горы Дикани

ЭРАДАЙН

Каэла-Ридж

ЗАПАДНАЯ ДОЛИНА

Пурпурные Горы

НИАВ

ГЛЕНВЭЙЛ

Земля
Беликанов

Древний
Лес

РОАНИН

Гроувву

Брайрвэнд

ТИЛИАН

Крепость
Фендолин

Море Эларин

ПОДАТ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Я нахожу ее лежащей лицом в грязи в глубине Древнего леса.

Острая боль пронзает ладони из-за того, как сильно я сжимаю кулаки, оставляя на коже следы полумесяцев от ногтей. Узловатые корни вьются по усыпанной ветками земле, упираясь в мои ботинки, словно предупреждая, когда я переворачиваю молодую женщину на спину. Лучше убедиться.

Нет, она точно мертва. Холодная, окоченевшая и изможденная голодом, как и все остальные, потому что лесной мусор хоть и скрывает большую часть рубашки, но изношенный хлопок безошибочно обрисовывает ее костлявое тело. Проглотив чувство разочарования, я закрываю ей веки, желая избавить ее родственников от этого неподвижного, устремленного в пустоту взгляда.

— Извини, — присев на корточки, бормочу я. — Полагаю, ты этого не заслужила.

Вокруг нас деревья склоняются в зловещем единстве, их листья и ветви натягиваются и тянутся

к мертвой женщине, будто привязанные веревками. Люди называют это притяжением. Я не обращаю внимания на покалывание в животе. Деревья скоро выпрямятся, когда магия покинет ее тело.

Кивнув напоследок, я встаю и возвращаюсь обратно к опушке. Древний лес — густой, с огромными дубами, теснящимися в разгар лета на травянистом ковре. Сквозь их кроны пробиваются лучи солнечного света, которые сверкают, как хрустальные люстры. В общем, слишком мирная обстановка для того, кто доведен до безумия и умер в одиночестве. Глубоко вдыхаю аромат леса, чтобы насладиться им, пока это возможно. Я благодарна, что по какой-то неведомой причине эти деревья никогда не привлекала магия моей крови. Мне хватило мстительной дикой природы на всю жизнь.

— Ну что? — спрашивает Сералин, до побелевших костяшек сжимая подол рубашки.

Я отрицательно качаю головой.

— Мертва.

Ее плечи опускаются. Несмотря на то, что Сералин крепка как сталь, когда в кожевенной мастерской своей тети превращает кожу в хомут для ломовых лошадей, сейчас она, стоя в двух шагах от линии леса, кажется хрупкой, как свежевывавший снег.

— Пойдем, — говорю я, глядя на каменный город за открытым полем. — Ты опоздаешь.

Я не спрашиваю, собирается ли она тоже осмотреть тело. Хотя Сералин и настояла на том, чтобы прийти сюда в знак поддержки, но у нашей дружбы есть границы и ее дискомфорт перед мертвыми и смертью — главная из них.

После недолгих колебаний Сералин подстраивается под мой шаг широкими движениями проводя своей тростью по земле.

— Бедняга.

Я лишь согласно бормочу в ответ сквозь стиснутые зубы.

Густой воздух позднего лета наливается тяжестью с раннего утра, и моя шея уже покрылась испариной. Ячменные поля остаются, к счастью, пустыми, пока мы пробираемся сквозь пыльные ряды, но я все равно иду вперед, ссутулившись и опустив голову, наполовину по привычке, а наполовину из-за нехватки времени Сералин не единственная, кто опаздывает.

— Ты не пойдешь с нами? — спрашивает она, склонив голову набок, когда мы приближаемся к городу. — Разве тебе не нужно вернуться в Роанин?

— Не могу, — отвечаю я, как бы извиняясь. Не совсем понимаю, зачем мы все еще играем в эту игру, хотя обе знаем, что это бесполезно. — Мне сначала надо позаботиться о других вещах.

— Именно сегодня, — фыркает она.

— Ты же знаешь, как это бывает.

По правде говоря, я бы отдала правую руку на отсечение, лишь бы держаться подальше от столицы. Но ничего не поделаешь.

— Ее муж заслуживает знать правду, — добавляет Сералин через некоторое время. — Эти двое были неразлучны.

— Он узнает. Я легко прошла по следам.

Сералин всегда уговаривает меня поговорить с семьями умерших. Она считает, что я более тактична, чем большинство других людей в форме, и однажды даже назвала меня бессердечной за отказ. В тот раз было больше всего. Однако это не моя работа — сообщать ближайшим родственникам обо всех обнаруженных мною телах. Я отчитываюсь толь-

ко перед королем. К тому же непохоже, чтобы она сама собиралась стать добровольцем.

Брайрвэнд — скромный фермерский городок с тремя улицами и множеством каменных магазинчиков. Они построены здесь не для того, чтобы придать городу очарования, а чтобы купить все необходимое. Его измученные погодой жители точно такие же. Когда я начала искать здесь сведения четыре года назад, то обнаружила, что долгие рабочие дни на окрестных полях сделали людей ленивыми и разговорчивыми всего за пару пинт. Но в последнее время они просто голодны, а бедная почва и растущие налоги оставляют зияющие дыры, которые, кажется, заполняются только яростью.

Каждую ночь при тусклом свете масляной лампы за грязными липкими столами посетители паба изливают злобу и осуждение, словно бросают семена в землю. Избитый лесной странник, которому я помогла добраться домой прошлой ночью, не единственный одаренный, найденный мной на мощеных улицах истекающим кровью. Гнев людей нарастает.

Когда мы добираемся до дома Сералин, ее семья запрягает лошадей в старую телегу. Большинство местных жителей уже давно уехали.

— Где ты пропадала? — требовательно спрашивает ее мать, затягивая кожаные ремни. Чалая кобыла бьет копытом, нервно подрагивая ушами в моем присутствии. — Мы должны были уехать несколько часов назад!

— Лейле требовалась моя помощь. И ты все равно еще не готова, — пожимает Сералин плечами.

— Как и ты. Завтрак закончился, так что тебе придется подождать. Иди переоденься.

Она старательно избегает моего взгляда, будто меня здесь вообще нет.

Сералин прощается со мной, слегка коснувшись плеча, из-за чего ее младшая сестра быстро скрещивает две пары согнутых пальцев и разводит их в стороны. Знак, отгоняющий плохую судьбу.

Как только Сералин уходит, ко мне приближается жуткий Арден, проводя жирной рукой по лбу.

— Тебе не следует потакать моей сестре. — Безусловно, он самый слабый брат в этой семье из четырех человек. — Сералин чересчур деликатна. Она не может бродить по королевству с такими, как ты.

Какая ирония, ведь в прошлом году он охотно оказывался рядом, когда думал, что пустая лесть поможет ему получить поцелуй. Это было до того, как участвовавший голод озлобил его язык, и до того, как он узнал, кто я на самом деле. Хотя мне глубоко наплевать, что на уме у этого парня, я с тревогой осознаю, что внутри у меня все еще горит от гнева и чего-то похожего на стыд. Мой взгляд падает на его штанину, где видны пятна засохшей крови, оставшейся с прошлой ночи.

— Какие-то проблемы? — усмехается Арден, его бледная кожа покраснела от долгих дней на солнце.

Ощущение покалывания медленно поднимается изнутри, а нити онемения тянутся по рукам и ногам. Заставляю себя глубоко дышать в попытке избавиться от них.

— Знаю, это был ты, — бормочу я.

Он проводит двумя пальцами по потрескавшимся губам, а его глаза-бусинки устремляются к матери, прежде чем он наклоняется ко мне с напряженной улыбкой.

— Ничего ты не знаешь, — шипит Арден.

— Ты забываешь, что в моем распоряжении есть кое-какие ресурсы. — Я поднимаю руку перед его обожженным на солнце лицом показывая свои заострившиеся ногти. — И я знаю, где ты живешь.

Я смотрю до тех пор, пока не удовлетворяюсь страхом, отразившимся у него на лице. А затем направляюсь к единственной городской гостинице, которая едва ли больше обычного постоялого двора с четырьмя скрипучими комнатами. Будь мой брат, Элос, здесь, он посоветовал бы не попадаться на удочку, сказал бы, что я выше этого. Чего он, кажется, никогда не понимал, так это того, что я ничем не лучше.

Раздражает, что хозяин гостиницы отсутствует, когда я поднимаюсь по лестнице и открываю свою комнату. Но как только закрываю за собой дверь, тут же меняю облик. Прохлада струится по моим покалывающим конечностям, словно жидкость, когда я освобождаюсь от заимствованной внешности, сбрасывая маскировку, что использую для Брайрвэнда.

Вместо лица и черт Лейлы появляются мои собственные: более высокий рост и крепкие икры, оливковая кожа на тон темнее белоснежного лица Лейлы, узкие глаза и густые орехово-каштановые волосы, волнами ниспадающие чуть ниже постоянно напряженных плеч. Девушка в которой семья Сералин никогда бы меня не узнала. Открываю единственное в комнате окно и размышляю.

Я предпочитаю напрямую платить хозяину гостиницы за его бдительность, и мне не нравится мысль, что кто-то внизу может увидеть, как я улетаю отсюда. Но, полагаю, большинство домов уже пустует, и в любом случае я не могу позволить себе ждать.

Положив серебряную монету на столик в углу, снимаю одежду и сосредотачиваюсь на месте глубоко внутри себя, используя его, чтобы притянуть окружающий меня воздух. Интуитивно мое тело немеет, кости сжимаются, превращаясь в кости ястреба-тетеревятника, а мои серые и кремово-белые перья трепещут от удовольствия. Узел между ребрами слегка ослабевает, когда я вылетаю через окно на утренний свет.

От Брайрвэнда до Роанина, столицы Тилиана, примерно час полета. В таком облике мой хвост прямой, как древко стрелы, а крючковатый клюв острый, подобно тилианской стали. Прохладный ветерок скользит по моим перьям, и сердце поет от чувства свободы, но она мимолетна.

Далеко внизу пролегает единственная широкая дорога, ведущая через фермерские участки и лиственные леса на север. Она уже забита пешими путешественниками и теми, кто едет верхом. Многие, особенно те, кто живет дальше к югу, отправятся в путь ночью. Это единственный день в году, когда Даноферы открывают ворота замка Роанин для публики, и многие люди чрезвычайно гордятся тем, что смогли пройти и занять себе место на его территории.

Даже того облегчения, которое приносит полет, недостаточно, чтобы затмить мою ненависть к этому дню.

Впереди, наконец, появляется место моего назначения: открытое пространство гранитных зданий, поблескивающих серым в лучах восходящего солнца, редкие остроконечные крыши и шпили, разрывающие линию горизонта. На севере Роанин окружен тенью Пурпурных гор, а с востока и запада его окаймляют